

[...in terris]...

ББК 71.0
УДК 13.07

В.С. ЗАЙЦЕВ

«КНИГА» И «ВЕБ-СТРАНИЦА»: ДВА МОДУСА БЫТИЯ КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются две области современной культуры — книжная и Сетевая, состоящие, как утверждает автор, в состоянии конфронтации друг к другу. По мнению автора, эта конфронтация связана с уровнем достоверности информации — у «книжной» культуры он выше, чем у культуры Сетевой. Некритичное отношение к данным, характерное для пользователей Интернета, порождает значительное число фальсификаций в Сети. В результате на смену верификации приходит мотив интереса, а критерием истинности любого контента становится формула «истинно то, что интересно». В статье показано, как среднестатистический интернет-потребитель культуры становится все более пассивным, принимающим любую информацию, неспособным и не желающим проверить ее достоверность. Девальвируются не только понятия «истинного» и «ложного», но и границы между «реальным» и «виртуальным». Для конструктивного использования когнитивных, рекреативных и многих других функций Интернета, считает автор, от конфронтации необходимо перейти к сочетанию и диалогу между культурой «книги» и культурой «веб-страницы».

Ключевые слова: интернет-культура, книга, веб-страница, истина, реальное, виртуальное.

*Похоже, в конце пути
технологического совершенствования
находится игрушечный домик,
в котором человечество
регрессирует до ясельного уровня.*

Джарон Ланир

В современной культуре можно выделить две области, состоящие в конфронтации между собой: культура «доцифровой» эпохи и интернет-культура. Символ первой — книга, символ второй — веб-страница.

В ПРОСТРАНСТВЕ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Конфронтация связана с уровнем достоверности информации. Так, у «книжной» культуры он выше, чем у сетевой. Некритичное отношение к данным, характерное для интернет-пользователей, порождает большое количество фальсификаций в Сети. На смену верификации приходит мотив интереса, критерием истинности любого контента становится формула «истинно то, что интересно». Среднестатистический интернет-потребитель культуры становится все более пассивным, принимающим любую информацию, неспособным и не желающим проверить ее достоверность.

Девальвируются не только понятия «истинного» и «ложного», но и границы между «реальным» и «виртуальным». Для конструктивного использования когнитивных, рекреативных и многих других функций Интернета создателям Сети и ее пользователям необходимо помнить об этих границах. От конфронтации нужно переходить к сочетанию и диалогу между культурой «книжки» и культурой «веб-страницы».

Можно эти области охарактеризовать как специфические варианты бытия современной культуры и сравнить существенные характеристики этих модусов, уделив большее внимание аспектам и проблемам, связанным с сетевой культурой.

Книга и Сеть

Умберто Эко делит книги на две категории: «книга для чтения» и «книга-справочник». «Книга для чтения — а это может быть что угодно: роман, философский трактат, социологическое исследование — читается по принципу «разворачивания истории»: на первой странице говорится, что произошло убийство, история разворачивается, пока, наконец, на последней странице не оказывается, что убийцей, как всегда, был дворецкий. Кончилась книга — кончилось ваше чтение. Автор хочет, чтобы вы начали с первой страницы, расследовали вопросы, которые он вам предлагает, и потом он подаст вам вывод <...> Но есть еще книги для консультации — справочники, энциклопедии. Такие книги лучше сначала прочитать один раз с начала до конца, а потом уже, зная содержание, обращаться к отдельным параграфам. Энциклопедии замышляются для спорадического и никогда — для линейного чтения» [1]. По мнению итальянского исследователя, «гипертекстуальный диск вытеснит книгу-справочник». После чего У. Эко задается вопросом: «...вытеснит ли он книгу для чтения?» Безусловно, книга-справочник почти уступила место своей электронной копии — однако необходимо отличать оцифровки реальных книг от сетевых энциклопедических проектов типа «Википедии». То, что было создано доцифровой культурой (будь то «Британника» или «Большая советская энциклопедия») обладает — и с этим фактом невозможно спорить — намного большей степенью достоверности, нежели ресурсы, подобные «Вики». Поэтому в случае, когда доступ к электронной версии «Британники» по тем или иным причинам невозможен, между ее печатной версией и любой интернет-

энциклопедией целесообразнее воспользоваться именно печатной версией (минимизируя тем самым риски быть дезинформированным). Показателем относительности доверия к сетевым данным служит и ограниченное использование подобных источников при работе над научными исследованиями (за исключением источников, имеющих высокую степень авторитетности — например, официальных сайтов научных изданий).

Проблема «книг для чтения», как представляется, состоит не в изменении их формы, а в принципиальном падении востребованности (безотносительно к любым формам) данных книг. У. Эко мечтает о «новом поколении, которое привыкнет читать с экрана и самопроизвольно начнет искать новые, более захватывающие способы чтения» [1]. Однако среди разнообразных вариантов деятельности, так или иначе связанной с «компьютерным экраном», чтение не занимает лидирующих позиций. Так, поисковик Google на запрос «музыка» выдает 107 млн найденных страниц, на запрос «фильмы» — 70 млн, «игры» — 149 млн, «книжки» — 92,5 млн. Аналогичные запросы на Яндекс («музыка», «фильмы», «игры», «книжки») дают следующие результаты: 171 млн, 156 млн, 562 млн, 144 млн соответственно. (Эксперимент проведен в марте 2014 года.) Подобные вариации с запросами не претендуют на доскональное исследование сетевых предпочтений, но в общих чертах иллюстрируют предпочтения интернет-пользователей.

В пространстве коммуникации интерес к «книжке» держится на аналогичном уровне. Это подтверждается результатами проведенного автором настоящей статьи исследования. В случайном порядке были выбраны 80 аккаунтов пользователей по фамилии Иванов, зарегистрированных в социальной сети «ВКонтакте». Информация о пользователе, которую тот заполняет самостоятельно, включает графу «любимые книжки». Данный пункт был заполнен на 11 страницах из 80 рассмотренных. При этом в пяти случаях информация выглядела следующим образом: «букварь», «если бы я хотел изменить мир, я бы читал книжки», «азбука» (наряду с «букварем», подобный вариант является примером типового юмора), «нет таких», «колобок». В оставшихся шести случаях пользователи либо перечисляли конкретные книжки, либо обрисовывали книжные предпочтения в общих чертах («психология и дизайн» и т. п.). Кроме того, упоминая социальную сеть позволяет создавать группы, объединяющие пользователей по интересам. Групп, в названии которых фигурирует слово «книжки», в марте 2014 года было 38 963. Для сравнения: по запросу «фильмы» можно было обнаружить 126 386 групп, «фото» — 253 468, «музыка» — 221 765 групп.

Таким образом, современный потребитель использует компьютер и Интернет в основном не для «письма» или «чтения». У. Эко прав, утверждая, что «старые компьютеры рождались как орудие письменности», однако следующее его утверждение представляется весьма спорным: «Новое поколение детей из-за компьютера научилось читать с дикой скоростью, и сейчас тинейджер читает быстрее, чем профессор университета — вернее, профессор

читает медленнее, чем тинейджер. Тинейджеры, если они хоть что-то на своем компьютере программируют, должны знать логические процедуры и алгоритмы и должны печатать слова и цифры, причем очень быстро. В этом смысле компьютер возвращает людей в гутенберговую галактику, и те, кто пасутся ночами в Интернете и болтают в чатах, — они работают словами». Возможно, в 1998 году выводы «Галактики Гутенберга» могли показаться У. Эко не вполне корректными, но на длительной хронологической дистанции, с учетом вектора и специфики развития Сети и ценностных ориентаций ее пользователей, менее корректными становятся выводы и прогнозы самого У. Эко. Компьютер и Сеть не возвращают пользователей в «галактику Гутенберга». То, что принимает форму данной «галактики» зачастую является либо — обращаясь к терминологии Ж. Бодрийара — симулякр, либо не имеет с данной «галактикой» ничего общего, кроме формы. Профессор читает медленнее, чем тинейджеры — но что читает профессор и что читают тинейджеры?

Ниже будет затронута проблема «вторичности» сетевого контента — именно с контентом такого уровня предпочитают работать многие пользователи. Как отмечал Ю.М. Лотман, «уже в сравнительно недавнее время прогресс устных форм коммуникации — телефон и радио — вызвал деградацию эпистолярной культуры. Точно так же динамика в распространении газет и радио упрощает и приводит к деградации целые области традиционной культуры» [2, с. 115]. Иначе говоря, то, что У. Эко принял за возвращение к «книге», стало возвращением к симуляции «книги», возвращением к деградировавшей, профанированной «гутенберговой галактике».

Сеть и фальсификация

Всемирная Сеть порождает культурные реалии двух видов: с одной стороны, реалии, не имеющие аналогов в предыдущем опыте человечества, то есть составляющие специфику исключительно интернет-пространства (поисковики, социальные сети, облачные хранилища). С другой стороны, из реальной в виртуальную реальность постепенно перетекает культурный фонд, созданный за предшествующую Сети эпоху, что приводит к появлению виртуальных музеев, электронных библиотек и т. п.

При этом, попадая в пространство Интернета, культура функционирует там двояко: во-первых, как адекватная копия действительных реалий (например, вышеупомянутая электронная библиотека, в которой содержатся отсканированные книги); во-вторых, в форме результата использования этих копий интернет-сообществом (как цитирование электронных книг, как блог, посвященный описанию впечатлений от посещения виртуального музея и т. п.). Двоякость эта является прямым следствием отмеченного В.А. Емелиным и А.Ш. Тхостовым деления Интернета на две «достаточно автономные области: информационное пространство и пространство коммуникации» [3]. Гипотетическая электронная библиотека несет в целом исключительно информативную культурную функ-

цию и, соответственно, принадлежит к области информационного пространства.

Та же электронная библиотека, будучи обсуждаемой, например, в каком-либо чате или форуме, попадает в пространство коммуникации. Как представляется, наибольшее число искажений — под искажением в данном случае понимается фальсификация (неверное цитирование, ошибка в приписывании авторства и пр.) — исходит от области коммуникации. Таким образом, если первый модус бытия культуры в Сети может быть назван дублированием (виртуальная копия картины из Лувра), то второй зачастую представляет собой симулякр, например «помещение» в виртуальный Лувр картины, которой нет в Лувре реальном.

Одна из ключевых причин фальсификационного и профанационного имиджа интернет-контента — его объем, а также несовершенство возможности поиска необходимой информации.

Последний аспект отмечен О.В. Шлыковой: «В отличие от методов систематизации информации и социального опыта, выработанных эпохой Просвещения и построенных на предметно-проблемном принципе их классификации (например, дифференциация знаний по различным дисциплинам: физика, химия, история и т. п.), электронный век культуры возвращает нас к средневековому принципу организации информации — реестровому (т. е. ее иерархизации на основании большей или меньшей сенсационности; достаточно сравнить средневековые хроники и современные программы новостей)» [4, с. 27].

Информация, оказавшаяся на первых страницах поисковиков, не является заведомо более достоверной, нежели данные на страницах, выдаваемых поисковой системой последними. В связи с этим можно попытаться подкорректировать высказывание М. Кастельса о том, что «в бесконечном мире информации достоверность является весьма ценным качеством в глазах охотников за информацией» [5]. Применительно к бесконечному пространству Интернета достоверность является ключевым качеством любой информации, в противном случае существование того или иного контента теряет смысл. Однако невозможность поиска заведомо достоверных данных в массе данных, «ложность» и «истинность» которых потенциально равновероятны, порождает очередную проблему, о которой пишут В.А. Емелин и А.Ш. Тхостов: «Объем информации, содержащейся на страницах Интернета, фактически сводит ее реальное содержание к минимальному значению. Интернет дал неограниченные возможности для творческой самореализации своих пользователей, каждый из которых может опубликовать на ее страницах свои тексты, фотографии, ссылки и другие материалы. Но такая практика самотиражирования имплицитно несет в себе опасность полного выхолащивания самой идеи ценности текста: если публиковать можно все что угодно, то теряется возможность найти в гиперпотоке информации нечто достойное внимания» [3]. Не отрицая отмеченного М. Кастельсом «права на хаос» в Сети [5, с. 200], заметим, что и «хаос» в некотором смысле должен быть контролируемым, в противном случае Сеть из

инструмента познания мира превратится в перманентное воспроизводство симулякров. Тот же М. Кастельс, называя Интернет «технологией освобождения», предостерегал, что «он может дать волю могучим силам подавления неосведомленных, он может способствовать сегрегации обесцененных завоевателями ценностей» [5, с. 315—316]. В наше время подобные предчувствия начинают обретать достаточно явную форму.

Качество контента также вызывает определенные нарекания многих исследователей. Как пишет Джарон Ланир, «...в доцифровую эпоху у нас уже были все разновидности халтуры, которые вы можете теперь найти в Сети. Производство копий этих материалов в радикальном, новом, “открытом” мире не имеет совершенно никакой цели <...> Большая часть оценок звучит так: примерно половина битов, курсирующих в сети, происходит из телевидения, кино или другого традиционного контента, хотя точно посчитать очень трудно» [6, с. 196]. По мнению Д. Ланира, произведения культуры классифицируются следующим образом: произведения первого порядка — оригинальные, и произведения второго порядка — «фрагментарные реакции» на оригинальное. «Я не претендую на то, что могу сконструировать измеритель, который точно покажет, где пролегает граница между произведениями первого и второго порядков. Однако я утверждаю, что веб 2.0 выдает на-гора массу вторичного и заглушает первичное» [6, с. 194—195].

Обилие пересказов, рефлексий и тому подобного зачастую приводит к намеренным или ненамеренным фальсификациям. Если обратиться к опыту обращения той или иной информации в социальных сетях, то можно с уверенностью сказать, что ключевым звеном в механике распространения дезинформации является репост. Пользователи делятся друг с другом «фактами» или «цитатами», игнорируя вопрос истинности, поскольку на первый план выступает эмоциональная составляющая: «нравится» или «не нравится» конкретный контент гипотетическому пользователю, и в случае, если тот или иной пост находит положительный эмоциональный отклик у того или иного участника интернет-сообщества, вопрос верификации становится вторичным. На смену верификации приходит мотив интереса, который в конечном счете элиминирует истинность как таковую, она исключается из категориального аппарата «бытия-он-лайн». Если свести вышесказанное к короткой формуле, она может звучать так: «Истинно то, что интересно». Происходит запуск «цепной реакции», количество репостов множится и в результате поисковые системы, наряду с достоверными данными, начинают выдавать ссылки на заведомо ложный контент (ложный для тех, кто может произвести верификацию). Более того, обилие искаженной информации зачастую начинает превышать объем информации точной. Одним из любопытных примеров может служить подмена авторства четверостишия Олега Григорьева: «Жену свою я не хаю,/ И никогда не брошу ее./ Это со мной она стала плохая,/ Взят-то ее я хорошую». По непонятным причинам данное четверостишие размножилось в социальных

сетях и блогах под «авторством» Владимира Маяковского. В результате, начав набирать в поисковике Google «Жену свою» можно увидеть следующие варианты, выдаваемые поисковиком: «жену свою я не хаю», «жену свою не ругаю», «жену свою я не хаю маяковский», «жену свою не хаю», «жену свою не ругаю маяковский». Робот дважды предлагает вариант с неверно указанным автором и не «упоминает» автора действительного.

Причины подобных подмен можно частично объяснить концепцией Р. Барта о «смерти автора». В одноименной статье Р. Барт пишет: «...если о чем-либо рассказывается ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой, — то голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть, и здесь-то начинается письмо» [7, с. 384]. Отношение к авторству со стороны некоторых участников интернет-коммуникации можно охарактеризовать как вульгаризацию концепции французского мыслителя. Каждый текст в Сети потенциально анонимен. Однако и в случаях, когда фигуры тех или иных деятелей культуры становятся объектом внимания, происходит своеобразная дескриптивная маркировка — попытка как правило примитивная, выделить и описать наиболее характерные черты конкретного автора (например, В.В. Маяковский — груб и брутalen, Ф.М. Достоевский — психически болен, Л.Н. Толстой — нечитабылен и т. п.). Подобные ярлыки девальвируют личность любого автора — например, тексты, так или иначе подходящие под определение «брутальных и грубых», приписываются В.В. Маяковскому, трудночитаемые — Л.Н. Толстому и т. д.

В конечном итоге имена любых авторов становятся лишенными каких бы то ни было коннотаций, не вызывают никаких ассоциаций, не имеют никаких специфических черт, а любой текст может быть приписан любому автору, причем всегда найдется больший или меньший процент интернет-пользователей, которые не заметят фальсификацию. Более того, зачастую вопрос об истинности снимается — в соответствии с выведенной выше формулой об априорной истинности субъективно интересного. Возвращаясь к концепции Р. Барта применительно к «галактике Интернет», можно говорить, что для нее характерна не только ситуация «смерти автора», но и «смерти читателя». Она обусловлена двумя факторами.

Первый разобран выше: усредненный потребитель культуры в Сети становится все более пассивным, принимающим любую информацию, неспособным и не желающим проверить ее достоверность. Второй фактор — пресловутый объем интернет-контента: «В информационном поле интернета миф о Вавилонской башне обретает новое воплощение — от столпотворения людей мы приходим к столпотворению идей. Возникают проблемы, связанные с различением информации, размещаемой в безграничном пространстве глобальной сети бесчисленным количеством пользователей. Объем информации, содержащейся на страницах интернета, фактически сводит ее реальное содержание к минимальному значению» [3]. Массив содержащейся

в Сети информации невозможно освоить в полном объеме. Проведя мысленный эксперимент, можно с большой долей уверенности предположить, что множество гигабайт данного контента — видео-, фото- или текстовые материалы не увидит никто, кроме их создателей. Однако информация продолжает множиться, становясь самодостаточной, выключенной из коммуникативных процессов и не ориентированной на рецепцию. «Читатель», «адресат», безусловно, предполагается, однако с большей или меньшей степенью вероятности, а Сеть начинает существовать ради Сети.

Приведенные выше примеры ошибок зародились в Интернете и продолжают функционировать там же — иначе говоря, являются специфическими. Многие культурные реалии, став реалиями виртуальными, претерпевают те или иные искажения. Два нижеследующих примера, однако, указывают на любопытный факт: «деформировавшись», данные симулякры могут вернуться в реальное культурное пространство.

Первым примером служит инцидент, описанный в статье О.М. Скибиной «Чехов в школьном изучении: pro et contra». Речь идет о книге «А.П. Чехов в школьном изучении», выпущенной в 2000 году под редакцией М.И. Мещеряковой. О.М. Скибина пишет: «...самое большое — даже не удивление — потрясение испытываешь при чтении раздела “Биография Чехова”, а точнее, его подраздела “Второе июля четвертого года. Новейшие материалы к биографии Чехова”. Излагаются эти самые “новейшие материалы” по книге — следите внимательно! — “известного биографа Дэвида Магаршака”, которые “оригинально переработаны Уильямом Сомерсетом Моэмом, впервые издаются в изложении на русском языке с необходимыми дополнениями в форме вольного перевода Бориса Штерна. Цитаты из книги Моэма в дальнейшем не оговариваются”». Всё это «цитируется выборочно по интернет-странице Алексея Комарова». И далее: «...не было никакой биографии Чехова в изложении Магаршака — Моэма, а все это — мистификация известного писателя-фантаста Бориса Штерна, попавшая в интернет и принятая составителями за те самые “новейшие материалы”!» [8].

В рассмотрении данного казуса наибольший интерес вызывает траектория передвижения мистификации по информационным пространствам. Зародившись в книжной культуре именно в качестве мистификации, данная работа «виртуализировалась» в Сети, где потеряла свой дезинформирующий статус (т. е. приобрела, как было отмечено выше, равные возможности быть истинной и не быть таковой), после чего вернулась в культуру книжную уже в качестве достоверной информации. То, что эту информацию не проверяли на достоверность, является следствием всё еще сохраняющегося доверия к любому напечатанному тексту — доверия, игнорирующего тот факт, что на страницу «книги» тексту попасть сложнее, нежели на «веб-страницу». Подобные информационные метаморфозы являются, с одной стороны, доказательством «эрозии истинности» [3], с другой стороны, наглядно иллюстрируют знаменитую формулу М. Кастельса о «культуре реальной виртуальности»: «Эта виртуальность

и есть наша реальность. Вот что отличает культуру информационной эпохи: именно через виртуальность мы в основном и производим наше творение смысла» [5, с. 232]. Развивая данную мысль, можно сказать, что через виртуальность человечество творит не только смысл, но и бессмысленность, что наглядно демонстрирует пример с книгой «А.П. Чехов в школьном изучении».

Второй пример генерирования лишнего смысла контента относится к инциденту с инсталляцией на Рождественском бульваре в Москве, посвященной празднованию 9 мая в 2013 году. На бульваре были установлены стенды в виде книг с напечатанными в них стихами военной тематики. При этом тексты были искажены, авторы перепутаны. Подробный разбор всех ошибок этой инсталляции можно найти в блоге Л.А. Каганова. Так, под авторством Шубина были напечатаны отрывки из произведений Юлии Друниной, именем Бориса Пастернака подписаны стихотворения Иосифа Уткина, который, в свою очередь, значился автором стихотворений Анны Ахматовой «Победа» и «Победителям». Л. Каганов отмечает, что многие опечатки выдаются в поисковике — это означает, что разработчики инсталляции не прибегали к собраниям сочинений, а копировали произведения из Сети [9]. Тот факт, что ошибка не была замечена, а на плакатах проходжие оставляли благодарственные надписи, Л.А. Каганов интерпретирует следующим образом: «Выросло поколение, которое считает, что если ты что-то прочел, надо тут же нажать кнопку “лайк” или оставить “коммент”» [9].

Затрагивая побудительные причины распространения репостов в социальных сетях и блогах, выше был отмечен специфический для интернет-пространства критерий «истинности», напрямую обусловленной интересом к той или иной информации. С подобным некритичным отношением к информации человека «галактики Интернет» можно ознакомиться и в ситуации с упомянутой инсталляцией. При этом механика фальсификации, видимо, иная, нежели в случае, упомянутом О.М. Скибиной [8]. Стихотворения деформировались (накапливали опечатки и неточности) в процессе распространения по блогосфере, после чего были размножены на реальных плакатах (неточность с авторством, скорее всего, дело рук монтировавших инсталляцию).

Вышеизложенное позволяет сделать несколько ключевых выводов:

- современная культура существует в двух формах — культура реальная (назовем ее «книгой», подчеркивая символичность этого именованья — «книгой» может быть и живопись, и архитектура) и культура виртуальная («веб-страница», объединяющая все возможные варианты существования в Интернете музыки, текста, изображения);
- реальный и виртуальный модусы бытия современной культуры находятся в состоянии конфронтации между собой. «Галактика Интернет» не является и не может стать — прибегая к гегелевской терминологии — «положительным снятием» «галактики Гутенберга». Информационная избыточность и «эрозия истинности»

являются специфическими и уникальными сущностными характеристиками «веб-страницы», чуждыми «книге» (за исключением рассмотренных выше примеров, источником которых в любом случае может быть исключительно «веб-страница»);

- каждый частный случай характерного для пользователей Сети не критичного отношения к тем или иным данным приводит к глобальной априорной дискредитации «истинности» интернет-контента;
- подобное «компрометирование» сетевого контента заставляет прибегать (там, где это возможно) к верификации тех или иных данных с помощью ресурсов (все еще) традиционного книжного культурного пространства.

Представляется целесообразным проанализировать прогноз, сделанный Умберто Эко в 1998 году. Ученый полагал, что в будущем общество разделится на два класса: «тех, кто смотрит только телевидение, то есть получает готовые образы и готовое суждение о мире, без права критического отбора получаемой информации, и тех, кто смотрит на экран компьютера, то есть тех, кто способен отбирать и обрабатывать информацию. Тем самым начинается разделение культур, существовавшее во времена Средневековья: между теми, кто способен был читать рукописи и, значит, критически осмыслять религиозные, философские и научные вопросы, и теми, кто воспитывался исключительно посредством образов в соборе — отобранных и обработанных их творцами» [1].

На современном этапе развития Всемирной Сети можно констатировать, что данный прогноз не оправдывается. В интернет-пространстве («экран компьютера» неизбежно ассоциируется с Сетью) отбор и обработка информации становится все менее критической, пользователи теряют навыки ее осмысления и верификации, предпочитая получать «готовые образы и готовое суждение о мире».

Поэтому если и можно говорить о категориальном делении общества, то на данном этапе оно связано с теми, кто работает с книгами и Сетью (благодаря чему способен критично относиться к информации, получаемой в Интернете), и теми, кто работает исключительно с «веб-страницей». Первые способны отыскать в столпотворении идей «эпистеме» (пусть и в локальном смысле и для локальных целей), вторые предпочитают существовать в пространстве, наводненном исключительно «доксами».

Для итоговой иллюстрации всех упомянутых в статье проблем, связанных с Сетью и ее пользователями, хотелось бы напомнить знаменитый отрывок из «Чжуан-цзы»: «Однажды Чжуан Чжоу приснилось, будто он бабочка: он беззаботно порхал, ликовал от восторга и не

знал, что он — Чжоу. А когда вдруг проснулся, то даже удивился, что он — Чжоу. И не знал уже: Чжоу ли снилось, будто он бабочка, или бабочке снится, будто она — Чжоу. Но ведь между Чжоу и бабочкой, несомненно, есть разница. Значит, то было превращение» [10, с. 82]. Многие участники интернет-коммуникации, создавая аккаунты, заводя блоги, размножая репосты, теряют эпистемологические ориентиры, нивелируют границы между «реальным» и «виртуальным», «Чжоу» и «бабочкой». Для конструктивного использования когнитивных, рекреативных и многих других функций Интернета создателям Сети и ее пользователям необходимо помнить об этих границах. Виртуальное может помочь обустроить, дополнить или познать реальное, но характеризовать их в качестве взаимозаменяемых феноменов — значит путать причину и следствие. Во многом, именно благодаря подобным завышенным представлениям о возможностях Всемирной Сети и ее культурной функции, оказалась реальной конфронтация между «книгой» и «веб-страницей».

Список литературы

1. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/eco/internet.html>
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб., 2010.
3. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии / Интернет-версия журнала. 2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=678&Itemid=52
4. Шлыкова О.В. Электронная культура: дефиниции и тенденции развития // Электронная культура: трансляция в социокультурной и образовательной среде. — М.: МГУКИ, 2009.
5. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004.
6. Ланир Д. Вы не гаджет. Манифест. — М.: Астрель, 2011.
7. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989.
8. Скибина О.М. Чехов в школьном изучении: pro et contra // Литература / Интернет-версия журнала. 2007 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200700818>
9. Каганов Л.А. Победа-Дурра // lleo.me / Официальный сайт. 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lleo.me/dnevnik/2013/05/04.html>
10. Из книг мудрецов. Проза древнего Китая. — М.: Художественная литература, 1987.